

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**Полное собрание сочинений Н.
Мамин-Сибиряк**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Полное собрание сочинений Н. Мамин-Сибиряк: Том 4 / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 573 с.

ISBN 978-5-519-95237-8

ISBN 978-5-519-95237-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

было покрыто мелкими морщинами; онѣ собрались около глазъ и рта лучами, разбѣгавшимися по всему лицу при каждой улыбкѣ.

II.

— Здравствуйте, Руфина Анемподистовпа,—здоровался я, слѣзая съ телѣги.—Не узнали меня?

— Да гдѣ тебя сразу-то узнаешь,—отозвалась добродушно старушка, видимо, еще сомнѣваясь въ твердости своей памяти.

— Ахъ, батюшки... да вѣдь это ты...—встрепенулась старушка, называя меня по имени.—А ужъ я-то не чаяла тебя и въ живыхъ видѣть... Никакъ, лѣтъ десять будетъ, какъ ты не бывалъ у насъ?

— Около того.

Старушка обняла меня и распѣловала, а потомъ, схвативъ за рукавъ пальто, бойко потащила въ „горницу“. Пока мы шли отъ воротъ къ старому крыльцу, она нѣсколько разъ оглядывалась на меня, какъ будто стараясь угадать въ томъ, что имѣетъ дѣло не съ призракомъ, а съ живымъ человекомъ. Конечно, при такомъ благопріятномъ случаѣ старушка не преминула всплакнуть и, сквозь слезы, съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ шептала:

— Изъ себя-то ужъ ты больно тово... въ чемъ душевѣка!.. Все, небось, учился? Охъ-хо-хо... Учитесь вы до сѣдого волоса, а когда жить-то будете...

— Какъ о. Яковъ здравствуетъ?

— Здоровъ, пичего... Чтò ему сдѣлается?..

Дворикъ у отца Якова былъ устроенъ на крестьянскую руку. Службы были заняты „стойками“ для скотины, амбарами, сусѣками и громаднымъ сѣноваломъ. На задней половинѣ двора помѣщалось отдѣленіе живности; изъ-за перегородки весело смотрѣла мохнатая голова годовалого жеребенка; нѣсколько овецъ лежало въ тѣни амбара, вытянувъ по землѣ шеи. Изъ самой глубины двора выглядывала маленькимъ окошечкомъ крошечная бабка; въ ней отецъ Яковъ любилъ отдохнуть лѣтомъ послѣ обѣда часокъ-другой и „позолотить хлѣбъ-соль“, т. е. покурить изъ большой деревянной трубки. Посреди двора стояла тюменская телѣга, на которой только-что пріѣхали съ поля; на колесахъ оставались слѣды вчерашней грязи, а изъ кузова лѣзла по всѣмъ сторонамъ не успѣвшая еще подсохнуть недавно скошенная трава. Подъ навѣсомъ у погреба были сложены бороны.

— Милости просимъ...—говорила матушка Руфина, съ легкимъ перевальцемъ утицей забѣгал по настланнымъ дощечкамъ въ темныя сѣни; она распахнула дверь въ кухню и любовно смотрѣла на меня своими черными глазами.

Если во дворѣ было царство отца Якова, то за порогомъ сѣней начинались уже владѣнія матушки Руфины. Я всегда съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ переступалъ черезъ этотъ порогъ; за нимъ каждая вещь говорила о неустанномъ, вѣчномъ трудѣ. Налѣво отъ входныхъ дверей, за косякомъ, стоялъ обыкновенно посошокъ отца Якова; если посошокъ дома—и хозяинъ дома, посошка нѣтъ—и хозяина нѣтъ. Теперь посошокъ отсутствовалъ. Направо въ углу стояла крашеная деревянная кадка съ водой, а потомъ цѣлый арсеналъ сундуковъ, ящичковъ, ящичковъ, коробушекъ, плетенковъ и тому подобнаго „хлама“, какъ называлъ отецъ Яковъ весь этотъ хозяйственный скарбъ. Отъ самаго порога сѣней вела въ горницы бѣлая, какъ снѣгъ, тропинка изъ домашнего холста.

Ходъ въ горницы шелъ черезъ кухню, и другого не полагалось. „Что я, развѣ губернаторъ какой, чтобы парадное крыльцо строить?—говаривалъ попъ Яковъ.—Я, братъ, своими руками домъ-то строилъ... Тутъ не много разгуляешься. Было бы тепло!“ Впрочемъ, незнакомый человѣкъ не скоро бы и догадался, что онъ въ кухнѣ. Русская печь скромно пряталась за ситцевой занавѣской, посуда была всегда прибрана, и, можетъ-быть, только одинъ пузатый самоваръ, всегда стоявшій на залавкѣ, могъ навести нѣкоторое сомнѣніе своимъ присутствіемъ.

— Снимай балахонъ-отъ свой,—говорила матушка, помогая мнѣ снять верхнее пальто.—Гость будешь, да еще какой гость-то... Вотъ уже попъ придетъ, такъ онъ какъ обрадуется...

Прямо изъ кухни одна дверь вела въ горницу самого отца Якова; эта горница выходила тремя окнами на улицу и была перегороджена низенькой ширмой пополамъ. За ширмой стояла широкая двуспальная кровать. Вторая дверь вела изъ кухни въ горницу матушки Руфины, крошечную комнатку, выходившую однимъ окошечкомъ на дворъ. Нужно сказать, что въ домикъ отца Якова всегда стоялъ совершенно особенный воздухъ, весь пропитанный какимъ-то специфическимъ ароматомъ. Не то роснымъ ладаномъ пахло, не то старой вишневой наливкой или геранью—не разберешь хорошенько.

— А это у васъ что за оружіе?—спросилъ я, разсматривая полицейскую пашку, которая висѣла на ширмѣ вмѣстѣ съ бѣлымъ кителемъ.

— Да вѣдь Прошку-то помнишь? Ну, еще изъ училища его тогда исключили! Это его мундиръ... Онъ у насъ урядникомъ служить въ Шерамѣ. Какъ же, чинъ получилъ недавно... Теперь гдѣ-то въ Полому уѣхалъ, ловить кого-то.

— Кого?

— Да въ Поломѣ-то попомъ о. Ксенофонтъ, а у него сынъ... Ну, тамъ гдѣ-то въ Москвѣ обучался. Только это такъ... онъ совсѣмъ ничего, а это Прошка придумалъ.

На маленькомъ столикѣ, который стоялъ въ углу комнаты, были разложены книги и стопкой лежали подобранные номера газеты. На одномъ переплетѣ я прочиталъ: „Das Kapital, von Marx“.

— Это Кинтильяновы книги,—предупредила мой вопросъ старушка.— Ты его не помнишь, поди? Нѣтъ, гдѣ помнить. Онъ еще въ училищѣ тогда учился, когда ты былъ у насъ въ послѣдній-то разъ.

— Вѣдь у васъ еще два сына?

— Да, какъ же... Митрей-то Яковлевичъ попомъ теперь въ Зюзиной служитъ, а Никаша—доктуромъ земскимъ. Четверо ихъ у меня.

— А дочь? Вѣдь у васъ была дѣвочка, Аня.

Старушка только махнула рукой.

— Замужъ вышла?

— Нѣтъ...

— Умерла?

— Хуже... —прошптала со слезами на глазахъ бѣдная старушка и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, таинственно проговорила:—ужо расскажу тебѣ вечеромъ, когда уберусь. Да вонъ и попъ съ Кинтильяномъ идутъ... Обѣдать сейчасъ будемъ.

III.

Попъ Яковъ вошелъ въ это время уже въ кухню и, замѣтивъ меня, проговорилъ своимъ густымъ баскомъ:

— Да это никакъ...

Онъ назвалъ меня по имени и, заключивъ въ свои могучія объятія, облобызалъ. Высокаго роста, съ могучей грудью, попъ Яковъ смотрѣлъ настоящимъ русскимъ богатыремъ, а благообразная сѣдина придавала его фигурѣ нѣчто патріархальное. Когда, мальчуганомъ, я училъ исторію ветхозавѣтныхъ патріарховъ, попъ Яковъ для меня служилъ живымъ и нагляднымъ примѣромъ; я отлично представлялъ себѣ фигуру библейскаго патріарха Іакова,—стоило только закрыть глаза и припомнить попа Якова. Десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видалъ его, почти не измѣнили его наружности, за исключеніемъ развѣ того, что косматая окладистая борода изъ сѣдой превратилась въ желтую, да на высокомъ лбу легло нѣсколько глубокихъ морщинъ. И костюмъ на отцѣ Яковѣ оставался тотъ же, т.-е. нанковый синій подрясникъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, какихъ нынѣшніе модные батюшки уже совсѣмъ не носятъ; изъ-подъ подрясника выглядывала ситцевая рубашка-косоворотка, перехваченная тоненькимъ гаруснымъ пояскомъ чуть не подъ самыми мышками. Этотъ поясъ мнѣ всегда казался особенно забавнымъ, потому что безъ подрясника, въ одной рубашкѣ, какъ частенько ходилъ дома отецъ Яковъ, онъ походилъ на колоссальнаго ребенка. Старикъ любилъ въ такомъ видѣ работать во дворѣ или въ огородѣ, а на папѣ это было даже ему необходимо, потому что подрясникъ только заплеталъ ноги и мѣшалъ работать.

Широкое русское лицо попа Якова глядѣло своими большими сѣрыми глазами строго и внушительно; губы всегда были плотно сжаты и очень рѣдко распускались въ улыбку. И въ фигурѣ, и въ движеніяхъ, и въ выраженіи лица сказывался человекъ, который „въ потѣ лица снискивалъ“ свой хлѣбъ. Я всегда любилъ эту спокойную увѣренность попа Якова, его медленную рѣчь, веселую умную улыбку, которою все лицо точно освѣщалось.

На этотъ разъ меня непріятно поразила только одна перемѣна въ о. Яковѣ; онъ оставался прежнимъ попомъ Яковымъ,—но это по наружности. Глаза же смотрѣли какъ-то неестественно-пытливо, и онъ нѣсколько разъ тревожно поглядывалъ въ окно; улыбался онъ тоже не попрежнему—какой-то натянутой, не своей улыбкой. Вообще во всемъ—въ движеніяхъ, въ голосѣ, во взглядѣ и въ улыбкѣ—чувствовалось то „неладное“, о чемъ мнѣ говорилъ дорогой Евмень.

— Ну, мать, соловья баснями не кормятъ,—замѣтилъ о. Яковъ, когда мы успѣли обмѣняться первыми вопросами, какіе неизбежны между старыми знакомыми послѣ долгой разлуки.

Кинтильянъ, сынъ, только издали поклонился мнѣ и даже не вошелъ въ горницу. Онъ былъ одѣтъ въ коротенькое казинетовое пальто; казинетовыя брюки были заправлены за сапоги. Такая же ситцевая рубашка, какъ у о. Якова, была точно такъ же подпоясана гаруснымъ пояскомъ и выпущена поверхъ брюкъ, на мѣщанскій манеръ. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать пять; русая пушистая борода красиво обрамляла его блѣдное, изнеможенное лицо и придавала ему какую-то преждевременную серьезность. Вообще, и ростомъ и лицомъ Кинтильянъ походилъ на мать; отцовскаго въ немъ оставались только одни глаза, сѣрые, большіе, строгіе, съ темными густыми рѣсницами.

— Милости просимъ...—приглашала матушка, появляясь въ дверяхъ.—Только ужъ ты, гостенекъ, не обезсудь насъ на нашей простотѣ... Нечѣмъ тебя угощать-то, потому пріѣхалъ къ самому обѣду, а печка у меня ужъ простыла.

— Ничего, вечеромъ пельмени сдѣлаешь,—успокоилъ о. Яковъ старушку.— А теперь пусть отвѣдаетъ нашего мужицкаго кушанья... Ышь просто, проживешь лѣтъ со-сто!—пошутить батюшка.

Мы усѣлись въ кухнѣ, за маленькій деревянный столикъ, накрытый синей изгребной скатертью. Тарелокъ не полагалось. Ыли изъ одной чашки деревянными ложками. Кушанье было собственно два—щи и гречневая каша. Зато щи матушки Руфины стоили цѣлаго обѣда. Такихъ щей никто не умѣлъ дѣлать, и старушка гордилась своимъ искусствомъ.

— Давно ли попалъ въ наши палестины?—спрашивалъ о. Яковъ между первой и второй чашкой щей.—Тамъ вѣдь, въ вашемъ-то Петербургѣ, иль въ Москвѣ, все бѣдовый народъ живетъ.

— Ну ужъ, пошелъ...—съ неудовольствіемъ замѣтила матушка.

— Чего: пошелъ?! Я дѣло говорю... Вонъ благочинныхъ запретили выбирать... Вездѣ судъ, да доносы, да подозрѣнія,—говорилъ какъ-то отрывисто о. Яковъ, и вдругъ спросилъ:—а гдѣ у насъ Прошка, мать?

— Самъ знаешь гдѣ,—неохотно отвѣтила матушка.

— Это онъ къ Полому забрался? Да не песь ли... не за столомъ будь сказано... Ла Ксенофонтъ-то разорветъ его, какъ дохлую кошку... Ну, и народецъ только нынче пошелъ!..

Отецъ Яковъ все время сильно волновался и нѣсколько разъ принимался бранить то Петербургъ, то Прошку. Кивтильянъ хранилъ самое упорное молчаніе и не проронилъ ни единого словечка. Послѣ обѣда о. Яковъ увелъ меня въ горницу, закурилъ свою деревянную трубку и опять навелъ разговоръ о Петербургѣ. Нѣсколько разъ онъ среди своей рѣчи бросалъ трубку, рылся въ газетахъ и вынималъ какой-нибудь номеръ, гдѣ карандашомъ было отмѣчено все достойное примѣчанія.

— Нѣтъ, онъ намъ вотъ гдѣ, вашъ Петербургъ-то,—говорилъ старикъ, указывая на свой могучій затылокъ.—Ой, какъ солоно онъ приходится... Да! Хорошъ Питеръ, да бока повытеръ... Кажется, живешь себѣ въ такомъ мѣстѣ, что и воронъ костей не заноситъ, а, глядишь—не тутъ-то было. Да!.. Прежде я этихъ самыхъ газетъ и въ руки никогда не бралъ, развѣ про войну прочитаешь, а нынче нѣ-ѣтъ... Ждешь не дождешься номера-то, какъ Христова дня. Не прежнія времена... Вонъ мужики—и тѣ какъ газеты любятъ читать. Недаромъ, видно, пословица сложилась, что въ городѣ дрова рубятъ, а въ деревню щепки летятъ...

Вечеромъ матушка Руфина приготовила пельмени, а когда мы уже сидѣли за столомъ, явился и Прошка—изъ Поломы. Онъ былъ верхомъ и едва могъ спуститься съ сѣдла. Пошатываясь, вошелъ онъ въ кухню и красными, воспаленными глазами посмотрѣлъ на всѣхъ. Плотный, коренастый Прошка цѣлъ завиднымъ здоровьемъ.

— Ну что, не отколотилъ тебя Ксенофонтъ?—спросилъ о. Яковъ.

— Н-нѣтъ... мы помирились,—заплетающимся языкомъ отвѣтилъ Прошка, стараясь сохранить равновѣсіе, а потомъ покрутилъ головой и улыбнулся пьяной, блаженной улыбкой.—Мы съ Ксенофонтомъ-то цѣлую четверть раздавили, родитель... А я ему все-таки покажу! Нѣтъ... я ему... Онъ меня сначала-то было за воротъ схватилъ...

— Я бы на его мѣстѣ такъ просто удавилъ бы тебя, яко смердящаго пса!—замѣтилъ о. Яковъ.—Взятку, небось, хотѣлъ взять?..

— Н-нѣтъ, зачѣмъ взятку брать... законъ не велитъ, а вотъ четвертную мученицу ничего... не воспрещено...

Прошка только теперь замѣтилъ меня и сейчасъ же преобразился, принявъ дѣловую осанку, нахмурилъ брови и строго спросилъ:

— А позвольте, милостивый госдарь... документы!

— Я тебѣ покажу такіе документы, что ты у меня не будешь знать, которымъ концомъ сѣсть...—зарычалъ о. Яковъ.

— Да я такъ... пошутить...—ослабился Прощка и, махнувъ рукой, пошелъ въ горницу.

Отецъ Яковъ хотя и храбрился все время, но я замѣтилъ, что онъ не въ своей тарелкѣ. Нѣтъ-нѣтъ и посмотреть въ окно какъ-то изъ-за косяка, точно онъ опасался какой-то засады или нечаяннаго нападенія. Матушка Руфина тяжело вздыхала и подбирала губы оборочкой, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ.

IV.

Вечеромъ мы долго калякали съ попомъ Яковомъ, сидя на завалинкѣ во дворѣ. Говорили о разныхъ разностяхъ и, между прочимъ, о мѣстныхъ новостяхъ.

— Лбеды вездѣ пошли,—объяснилъ мнѣ старикъ.—Прощка-то,—видѣлъ его давеча,—раньше былъ сельскимъ учителемъ. Такъ этотъ самый о. Ксенофонтъ все на него доносы писалъ: и въ церковь, молъ, не ходитъ, и газеты мужикамъ читаетъ, и по постнымъ днямъ скоромное ѣстъ... Выжилъ вѣдь парня съ мѣста! Шатался-шатался Прощка безъ мѣста, а потомъ за свою простоту въ урядники попалъ... И какъ это онъ устроилъ—ума не приложу! А какъ попалъ, и пошла потѣха... Есть тутъ въ Новоселахъ псаломщикъ, Варваръ. Башка, я тебѣ скажу! Вотъ этотъ Варваръ повздорилъ о чемъ-то съ о. Ксенофонтомъ и давай доносы жарить на его сына, а Прощка его ловить... Теперь у нихъ такая каша, что упаси Боже!.. Ксенофонтъ-то больно дерзокъ на руку и силенъ, медвѣдь-медвѣдемъ. Вотъ когда-нибудь опъ освѣжуетъ Варвара съ Прощкой...

Попадья Руфина, пока мы бесѣдовали на завалинкѣ, подтыкавъ подолъ, таскала ведро за ведромъ въ стойки, гдѣ мычали только-что вернувшіяся съ поля коровы. Старушка искоса поглядывала на насъ, улыбаясь, и, перегнувшись на одинъ бокъ, съ старческимъ покряхтываньемъ сѣменила по двору. Когда она прошла съ большимъ дойникомъ доить коровъ, попъ Яковъ поднялся и проговорилъ:

— Ну, заболтался я съ тобой... Поди-ка спать въ баню, тамъ ужъ мать все тебѣ приготовила. Утро вечера мудренѣе... А мнѣ еще нужно къ завтраму дровъ нанести попадѣ да телѣгу вымазать.

— А что вашъ докторъ?—спросилъ я.

— Это Никишка-то? Служить въ земствѣ, что ему сдѣлается. Недавно былъ у насъ, съ женой... Ты развѣ не слыхалъ? Женился... такую госпожу въ очкахъ подцѣпилъ, что... Ну, да это не нашего ума дѣло: ему съ ней жить-то, а глянется, такъ и слава Богу.

Попъ Яковъ побрелъ за дровами, а я отправился въ баню. Тамъ матушка Руфина когда-то успѣла уже все приготовить. На широкой лавкѣ былъ постланъ киргизскій войлокъ, покрытый чистенькой простыней съ плетенымъ кружевомъ у спускавшагося на полъ края. Ситцевая подушка, взбитая пухленькими ручками матушки Руфины, высилась горой. Рядомъ съ постелью, на деревянномъ табуретѣ, была поставлена сальная свѣча въ желѣзномъ луженомъ подсвѣчникѣ, и тутъ же лежало нѣсколько номеровъ газеты и еще какая-то книга. Добрая старушка обо всемъ успѣла позаботиться, чтобы доставить гостю всѣ удобства. Я развернулъ книгу и невольно улыбнулся. Это были какія-то литографированныя записки по женскимъ болѣзнямъ. Нужно сказать,

то матушка Руфина не умѣла читать и притащила первую попавшуюся подъ руку книгу.

Въ банѣ было немного душно, и я открылъ окно. На меня глянула пахучая лѣтняя ночь и краешекъ синяго неба, усыпанный звѣздочками, какъ серебряными блестками. Тутъ же подъ окномъ, на двухъ грядкахъ, росли кусты малины, образуя зеленую бесѣдку. Нѣсколько кустовъ бузины и ряды грядъ съ капустой, картофелемъ и горохомъ упирались въ низкую изгородь, которою усадьба попа Якова разграничивалась съ владѣніями церковнаго старосты, зажиточнаго мужика Никитича. По наружной сторонѣ бани, по натянутымъ веревочкамъ вился зеленой спиралью хмель; пара молоденькихъ вѣточекъ его съ дѣтскимъ любопытствомъ заглядывала въ самое окно. Навѣрно, Аня любила этотъ тѣнистый уголокъ, гдѣ лѣтомъ такъ удобно работать. Я едва помнилъ ее дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, съ любопытными и серьезными черными глазками, съ неправильнымъ, но симпатичнымъ, всегда загорѣлымъ личикомъ... Гдѣ-то ты, Аня, проводишь эту мягкую и поэтическую ночь?

Въ открытое окно тянуло свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, вносившимъ съ собой пеструю смѣсь звуковъ, какими отдавала теперь спавшая глубокимъ сномъ Шерама. Гдѣ-то перекликались деревенскія собаки, ржала лошадь; глухо погромыхивая, прокатилась по деревенской улицѣ запоздалая телѣга. Точно съ того свѣта донеслась и сейчасъ же смолкла далекая проголосная пѣсня. Кто ее поетъ, эту пѣсню: можетъ-быть, молодой деревенскій парень, котораго зазнобила дѣвичья краса; можетъ-быть, выливается въ ней чье-нибудь одинокое, тяжелое горе; можетъ-быть, поетъ забубенная головушка, кабацкій пропойца... Мудрено поетъ русскій человѣкъ; не разберешь хорошенько, горе или радость заставляетъ его пѣть.

Любуясь ночью, я вспомнилъ про женитьбу доктора Никашки.

Странный былъ человѣкъ этотъ Никашка. Какъ теперь, вижу его въ коротенькой люстриновой поддевкѣ, въ таковыхъ же шароварахъ, заправленныхъ за сапоги, и въ сѣромъ мужицкомъ чекменѣ, который онъ носилъ вмѣсто осенняго пальто. Изъ-подъ мягкой коричневой пуховой шляпы любопытно и насмѣшливо выглядывали два черныхъ бойкихъ глаза. Узкое лицо съ козлиной бородкой и широкими губами отличалось необыкновенной подвижностью и постоянно улыбалось умной, немного иронической улыбкой. Однимъ словомъ, уродился Никашка, какъ говорится, ни въ мать ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца. Такимъ учился и такимъ жить пошелъ, да, вѣроятно, такимъ и останется до гробовой доски.

Помню,—это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—какъ въ первый разъ явился Никашка въ Шераму докторомъ въ своей поддевкѣ и верхней сермяжкѣ. Удивилъ онъ даже деревенскую простоту. Щеголяли и другіе сермяжками, да скоро бросали, а Никашка такъ и остался съ ней на всю жизнь. Простъ былъ Никашка, да и время тогда было совсѣмъ особенное, не въ примѣръ другимъ. Идеальное было время, хотя Никашка въ простотѣ своего сердца считалъ себя „мыслящимъ реалистомъ“. Жилъ этотъ докторъ еще проще, чѣмъ одѣвался. Съ удовольствіемъ припоминаю, какое неизгладимосильное впечатлѣніе производилъ Никашка тогда на насъ, школяровъ. Что-то такое хорошее, убѣжденное, вѣрующее чувствовалось подъ его сермяжкой, и мы лгнули къ нему, къ его книжкамъ, къ его рассказамъ объ alma mater.

Только давно это было, много воды съ тѣхъ поръ утекло, а право, докторъ Никашка остается для меня лучшимъ и самымъ дорогимъ воспоминаніемъ, какъ хорошій юношескій сонъ, смутный и неопредѣленный, но послѣ котораго чувствуешь таковой приливъ молодыхъ силъ.

V

— Ты не спишь еще? — слышался голос матушки Руфины, и ее круглое сморщенное лицо показалось въ оконцѣ.

— Да еще рано...

— То-то, я смотрю, окно не заперто... Дай, думаю, загляну,—прибавила старушка, точно въ свое извиненіе.—Да зажги свѣчу-то, чего въ потемкахъ разговаривать... Не воровать пришли!

Я чиркнулъ спичкой и зажегъ свѣчу. Желтый неровный свѣтъ разлился по банѣ и освѣтилъ лицо старушки; оно было теперь серьезно и печально. Въ рамѣ окна на темномъ фонѣ матушка Руфина походила на портретъ старинной голландской школы.

— О чемъ съ попомъ-то разговаривали даве?

Выслушавъ мой рассказъ, она тяжело-тяжело вздохнула и, пристально взглянувъ на меня, заговорила:

— Ничего-то я, ровнешенько ничего не понимаю... Хоть расколи меня! Точно вотъ не я слушаю, а кто-нибудь другой...

Матушка сильно пригорюнилась, высморкалась и, вытеревъ кончикомъ фартука глаза, опять начала:

— Вотъ я и пришла къ тебѣ... поговорить съ тобой. А то хожу я, какъ въ потемкахъ все равно. Да... Смертеньки нѣтъ, а жить, пожалуй, и въ тягость. Отдохнуть бы старымъ костямъ...

— Чтѣ вы, Руфина Анемподистовна,—поспѣшилъ я успокоить старушку:—зачѣмъ умирать. Еще жить нужно...

Старушка только махнула рукой, а потомъ, улыбнувшись сквозь слезы, прибавила:

— Извѣстно, раньше смерти не умрешь... а только пора. Какъ человѣкъ не сталъ ничего понимать, значить, пора и въ землю. Чего даромъ-то небо коптить?

— А вы о чемъ со мной хотѣли поговорить?

— О чемъ поговорить-то хотѣла?...—въ раздумѣ повторила мой вопросъ старушка:—видишь ли, надо сначала тебѣ рассказать все, какъ дѣло-то наше вышло, а потомъ ужъ я тебя и спрошу. Только я тебѣ зачну съ самаго начала рассказывать...

— Рассказывайте, я съ удовольствіемъ послушаю.

— Ты вѣдь Никашу-то помнишь?

— Какъ же, очень хорошо помню. Онъ женился?

— Женился...—уныло отвѣтила матушка.—Была я у нихъ какъ-то, у Никаши-то... Расскажу я тебѣ, какъ въ гости-то ѣздила. Ужъ послѣ свадьбы была. Онъ вѣдь въ городу живетъ, въ Моховѣ. Тамъ и квартира у него. Только самъ-то онъ больше въ разѣздахъ. Должность-то свою все собачьей службой зоветъ, да еще прибавитъ: „волка ноги кормятъ, маменька!“. Знаешь его: у него каждое слово не с проста, все смѣшкомъ. Ну, давнешько онъ мени звалъ къ себѣ въ гости, да все недосугъ было, а тутъ какъ-то передъ Рождествомъ я и собралась отъ свободы. А давно въ городу не бывала, да и на лошадахъ страсть боюсь ѣздить... хуже смерти! Всю дорогу подъ подушкой лежала... Думаю, если и убьютъ меня лошади, такъ хоть невзначай. Не видали бы глазыньки. Вотъ и пріѣхала я въ городъ, на его квартиру, часовъ этакъ въ десять утра. А онъ еще спитъ, и жена спитъ. Въ разныхъ комнатахъ спать, по-образованному, она на одномъ концѣ дома, онъ на другомъ. Грѣшнымъ

дѣломъ, случись пожаръ, одинъ сгоритъ, а другой и не услышитъ. Все по-образованному... Хорошо. Промерзла я въ дорогѣ, а работница вышла разряженная такая...

— Горничная?

— Ну, по-вашему горничная, по-нашему работница... Только хотѣлось мнѣ чайку испить съ дороги—не посмѣла, горничную-то побоялась беспокоить, а самой ставить самоваръ да въ чужомъ домѣ какъ-то и неловко. Хоть и деревенская дура, а все-таки докторова мать. Ну, вотъ докторова мать и сидитъ часъ, сидитъ другой, индо въ горлѣ пересохло, а все не смѣю спросить самовару... Только встали наконецъ, т.-е. Никашка всталъ. Увидалъ меня, обрадовался. Сидимъ, каликаемъ. Только выходитъ жена... А я еще не видела ее. Посмотрѣла на меня этакъ сыздальки, кивнула головой, усмѣхнулась и пошла опять въ свою комнату. Изъ себя женщина довольно полная и молодая, ну, а личикомъ какъ будто не вышла маненько... шадрива и глаза какъ-то на выкатѣ, точно кто ее стукнулъ по затылку. — „Наташа, говоритъ мнѣ Никаша, умная... Ты уже не обращай на нее вниманія, у ней, говоритъ, характеръ...“ Какъ-то это онъ мудроно выразилъ, да я позабыла. — „Вижу, говорю, Никаша, что умная у тебя жена... Вотъ бы, говорю, чайку испить...“ Подали самоваръ... А надо тебѣ сказать, что квартира у Никаши хоть и хорошая, да только столь она грязна, столь грязна,—и не умѣю сказать... Вотъ когда передъ Пасхой дома убираемъ, такъ въ этомъ самомъ родѣ. И самоваръ и чашки—все подъ одну стать... Ну, мы съ Никашей чай пьемъ, а жена въ книжку читаетъ и цыгарку при этомъ курить. Только въ своей деревенской простотѣ я и спрашиваю: „А сколько ты, Никаша, въ годъ проживаешь?“ Жена-то какъ воззрится на меня.—„Вы,—говоритъ этакъ высоко,—подсчитывать, что ли, пасъ пріѣхали?“—„Извините, говорю, невѣстуха, на глупомъ словѣ, потому какъ я сказала просто...“ Ну, ничего, напились чаю, а тутъ за Никашей пріѣхали изъ уѣзда.—„Вы, говоритъ, маменька, погостите тутъ, пока я ѣзжу“... Я сдуру-то и останься. Ну, не понимаю, значить, какъ это по-образованному-то люди живутъ, дай погляжу. Никаша уѣхалъ, а я сижу. Походила по комнатамъ, небель посмотрѣла, обзаведенье... А жена все въ книжку читаетъ, точно по комнатамъ кошка ходитъ. Ей-Богу. И смѣшно мнѣ и жалъ, т.-е. Никашу-то жалъ. Сѣла я этакъ къ окошечку, пригорюнилась. Сидѣла-сидѣла, вплоть до самаго вечера высидѣла... Обѣдаютъ у нихъ въ семь часовъ вечера, когда мы ужинаемъ. Ну, тутъ мнѣ и вспади на умъ: чего, молъ, я дуру здѣсь строю?.. Пошла на дворъ да и велѣла лошадей запрягать мужику, благо онѣ отдохнули. Такъ, не ѣмши, и уѣхала отъ гощенья, дорогой ужъ калачикъ городской прихватила да на станціи сѣла... Я тебѣ это не къ тому рассказываю, чтобы жену Никаши осудить... Господь съ ней! Можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ ученая, а я только къ тому веду рѣчь, что понятія во мнѣ не стало... Не понимаю ничего, и конецъ. По-Никашину это, можетъ, и хорошо такъ жить, а мнѣ такъ его жалъ... Простъ онъ, Никаша-то, вотъ чтó! О чемъ я, бишь, хотѣла рассказывать-то?.. Ты пербилъ меня этой свадьбой-то...

— Да о Кинтѣ хотѣли рассказывать, матушка.

— Да, да... припомнила. Это я со снохой-то спуталась... Ну, помнишь, какъ тогда Никаша дохтуромъ пріѣхалъ? Тогда Кинтѣ ужъ въ семинарію надо было переходить... Нѣтъ, не такъ. Митрею—въ семинарію-то, а Кинти въ духовномъ училищѣ еще учился. Такъ вотъ Митрея-то тогда изъ семинаріи исключили, Никаша и взялъ его къ себѣ. А Митрей, кромѣ своей водки, и знать ничего не хочетъ... Побился-побился съ нимъ Никаша года съ два,

такъ ничего и не смогъ сдѣлать, а Митрей въ псаломщики поступилъ, а теперь въ попы выльзъ. Это прежде трудно было въ попы попадать, надо было изъ богословія, а нынче исключать изъ семинаріи, а потомъ его же въ попы и поставятъ. Такъ вотъ Митрей-то Яковличъ первое горе намъ съ отцомъ и сдѣлалъ. А теперь ничего, выправился. Сытый такой, горло широкое, конскій заводъ держитъ... По-моему это не подходящее попу... Только это мы успѣли оглянуться, а тутъ Прощка изъ училища вылетѣлъ. Этотъ ужъ совсѣмъ дурашливый уродился, такъ, пожалуй, и горя бы не было. Думали, пусть его при домашности останется; все же, пока мы живы, съ голоду не помремъ. А Никаша давай Прощку учить, да въ учителя и опредѣлить... Ну, дальше ужъ знаешь, какая каша пошла съ Ксенофонтомъ этимъ да съ Варваромъ. Такъ вотъ трое у меня старшенькихъ сынковъ, какъ-никакъ, а все при мѣстѣ. Опять вздохнули мы съ попомъ свободнѣе, думаемъ — теперь отдохнемъ, потому Кинтильянъ учился первымъ, а Аня дома жила, такъ какая забота о ней. Ну, какъ, значить, челоуѣкъ возгордится, какъ мы возгордились съ попомъ Яковомъ, Господь его и найдетъ... Мы думаемъ теперь, вотъ отдохнъ намъ пойдетъ,—а, глядишь, вмѣсто отдыха горе, да еще какое горе-то!... Вотъ у меня ихъ пятеро, какъ перстовъ на рукѣ, а всѣхъ одинаково жаль, да глупаго-то, какъ Прощку, еще больше жаль. И пословица говорится: умнаго-то жаль, а дурака вдвое...

Старушка печально смолкла и, какъ бы отдохнувъ, продолжала:

— Изъ четырехъ сыновъ Кинтильянъ былъ самый меньшенькій,—такъ начала старушка подавленнымъ голосомъ:—только еще Аня была его моложе... Та ужъ такъ и родилась и росла совсѣмъ на особицу: одна дочка въ домѣ, балованное да нѣжное дитятко... Ну, такъ Кинтя какъ еще родился, такъ не нарадовались мы на него съ попомъ... Точно сколоченный весь, какъ ядреная рѣпа. Родился—и кулаки себѣ сосетъ, всѣхъ насмѣшилъ. Такъ онъ и выросъ... Ужъ сколько же и хорошъ выросъ мой мальчикъ: точно нарисованный. Не приходится свое дѣтище хвалить, а къ слову приплось, да и дѣло прошлое. Румяный, брови черныя, глаза какъ у отца, да свѣтленько таково поглядываютъ, и на всѣ руки парень: озорничать, такъ озорничать, учиться, такъ учиться. Растимъ парня да потихоньку радуемся. И какой-то, Господь его знаетъ, характеръ у него особенный: грубаго слова не слыхивали, обиды не знали. Шелкъ, а не парень. И все-то онъ видитъ и все понимаетъ, а сталъ подрастать—стипалъ, телячью-то бодрость оставилъ. Такъ мы его тогда и въ училище это отдали. Отдали, учился, а чтò ни праздникъ, то намъ, глядишь, новую радость везетъ, учился все первымъ, и учителя не нахвалялся. Кроткій да гораздый парень на все. А прїѣдетъ домой, книжки всѣ до единой привезетъ и все ихъ учить. Поиграетъ и учить. Вчуже прїятно было смотрѣть. Всѣ завидовали, а мы напринимались маяты-то съ Митреемъ-то Яковлевичемъ да съ Прощкой-то, такъ намъ это все вдвое кажется. Только одного и боялись, чтобы не избаловать. Поѣдетъ, бывало, къ Никашѣ въ гости и тоже книжки привезетъ и опять читать. Такъ онъ изъ училища первымъ поступилъ въ семинарію и тамъ первымъ кончилъ, а самъ точно красная дѣвица: румянецъ во всю щеку, какъ налитой. Водки капли въ ротъ не бралъ, не курилъ этихъ цыгароуекъ... А здоровье у него, точно бы и вѣкъ не изжитъ: никогда не хвирывалъ ничѣмъ...

„Вотъ послѣ семинаріи-то и грѣхъ первый у насъ вышелъ, — продолжала старушка:—отцу взбрело что-то на умъ уговаривать Кинтию итти въ попы. И съ чего это онъ придумалъ—ума не приложу! Самъ всегда говорилъ, что поповское житье самое послѣднее, а тутъ на поди... Наладилъ, что какъ

умремъ, некому будетъ предъ престоломъ Господнимъ стоять... Такъ ужъ это, накатился стихъ такой... Ну, Кинтя слушалъ-слушалъ отца-то, тихонечко этакъ усмѣхнулся да и отвѣтилъ: „Это, говорить, вы меня дармоѣдомъ хотите сдѣлать?“ Тутъ ужъ отецъ-то изъ себя вышелъ: засучилъ рукава да и показываетъ ему руки.—„Погляди-ка, говорить, шенокъ ты этакій, развѣ у дармоѣдовъ такія мозоли живутъ на рукахъ? Это, говорить, вы—дармоѣды-то... Знаю, говорить, кто тебѣ въ уши надулъ: Никашка!.. Онъ думаетъ, говорить, что большое жалованье получаетъ да образованіе имѣеть—такъ только будто и свѣту, чтѣ въ окнѣ? А я, говорить, горбомъ добываю себѣ каждый кусокъ, да этимъ же кускомъ мепи и корятъ“... Ничего не сказалъ Кинтя, сложилъ себѣ котомку, попрощался и ушелъ. „Куда, говорю, идешь-то?“—„Учиться“, говорить. Думаемъ съ отцомъ, что къ Никанѣ уйдетъ, на брата надѣется. Стороной навѣдались про Никашу, а тотъ и сномъ дѣла ничего не знаетъ. Тутъ ужъ мы и схватились за умъ... Погорячился отецъ-отъ, понадѣялся на его кротость, а надо бы его потихоньку да лаской. Ну, погоревали, потужили, поплакали, а прошлаго, говорить, не воротись... Черезъ людей ужъ мы узнали, что Кинтя въ Москвѣ учился, а потомъ онъ и письмо прислалъ. Какъ ужъ онъ тамъ устроился, гдѣ денегъ взять—ничего не знаемъ. Написалъ, что ему хорошо и что въ деньгахъ не нуждается...

„Прошло этакъ года съ два, — продолжала матушка Руфина съ тяжелымъ вздохомъ: — тутъ нашъ Кинтя и объявился въ Шерамѣ. Неждано-негадано, какъ свѣгъ на голову. — „Пріѣхалъ, говорить, изъ Москвы, вась, стариковъ, повидать“. А онъ эти два года въ дохтурскомъ отдѣленіи учился... То ли не дошлый парень! Обрадовались мы, что сына увидали, а про свои слезы да про горе, которое мы терпѣли за эти два-то года, мы и забыли... Больно ужъ рады мы Кинтѣ-то были! Такъ рады, такъ рады... Въ тѣ поры дочка-то, Ани-то, какъ разъ въ емназіи въ городу курсъ кончила; Никаша ее на свой счетъ училъ — ну, намъ радость вдвое. Но было ни гроша, да вдругъ алтынъ. А Кинтя опять такой скромный да кроткій: воды не замутишь. Отецъ совсѣмъ растаялъ, не надышится на него, а я, грѣшный человекъ, держу у себя на умѣ: „Ой, не ладно дѣло, что больно смиренъ нашъ Кинтя... Недаромъ онъ пріѣхалъ сюда такую даль!“ Ужъ я раскусила его тогда еще, какъ онъ отца-то дармоѣдомъ обозвалъ... Кротость-то у него больно ужъ мудреная. И вѣдь какъ онъ отца обошелъ: оказія!.. Совсѣмъ старикъ рехнулся и всякое зло позабылъ, а слѣдовало бы Кинтю тогда побранить, хоть для видимости. Я пробовала-было ругать его, такъ куды тебѣ: отецъ такъ горой за него и стоитъ! Приступу нѣтъ. Ну, а вышло по-моему... Много слезъ привезъ тогда намъ Кинтильянъ!“

VI.

— Теперь объ Аннѣ сказать...—дрогнувшимъ голосомъ проговорила старушка.—Послѣднее наше дитятко было, Аня-то! Маленькая замарашкой такой росла, а въ емназіи-то выровнялась. Я ужъ приданое потихоньку готовила... Вотъ у тебя простыни да одѣяла—это изъ приданаго Ани... Да, думали со старикомъ, что, можетъ, Господь велить, и внучать дождемся отъ дочурки. А мнѣ такъ это ужъ совсѣмъ хорошо казалось, потому сынки-то, дорого они матери стѣять, а радости да привѣту отъ нихъ не много увидишь. А дочь-то другое совсѣмъ... Она ужъ все понимаетъ, и дѣти-то дочернины какъ-то ближе, чѣмъ отъ сыновей... Ну, мы свое соображаемъ, а гляжу, стала Аня задумываться... Тогда ужъ и я спохватилась, что Кинти ее по-своему поворотилъ. Увелъ вѣдь дѣвку...